

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
 et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
 Socialdémocrate Russe
 141, rue Broca (bât. 11)
 PARIS (13e)

„Socialisticheski Vestnik“
 „Le Courrier Socialiste“
 „Der Sozialistische Bote“

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
 Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 1 (357)
 16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca, (Square Albin Cachot, bdt. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
 Chèques Postaux: Le Courrier Socialiste — 359.84 Paris
 Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

10 Января 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

Война и социализм. Тезисы Заграничной Делегации РСДРП.
 Передовая: Военная политика международного социализма.
 Р. Абрамович. Новогодние размышления.
 С. Шварц. К пересмотру норм выработки.
 Литература и жизнь: В. Александрова. Люди «большой судьбы».
 По России. В советской тюрьме и ссылке.

Из партии. К тезисам З. Д. о войне и социализме. Заявления по мотивам голосования: 1. Р. Абрамович; 2. Г. Аронсон, М. Кефали и Б. Николаевский.

Издания, поступившие в редакцию.

Почтовый ящик.

От редакции.

ВОИНА И СОЦИАЛИЗМ

ТЕЗИСЫ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РОССИЙСК. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

1.

Последнюю мировую войну капиталистические правительства стран-победительниц закончили системой мирных договоров, насильственно навязанных не только побежденным, неравноправное и зависимое положение которых эти договоры стремились увековечить, но и более слабым союзникам самих победителей.

Средствами экономического давления и военной интервенции (Венгрия, Рур и т. п.) они остановили развитие средне-европейских революций, которые могли направить восстановление потрясенного войною хозяйства капиталистической Европы по новому, социалистическому руслу и тем сделать возможным возрождение и расцвет этого хозяйства в новых социально-политических формах.

Не допустив своевременного, мирного пересмотра договоров в тех частях их, которые грубо попирали экономические, политические, территориальные и национальные интересы ряда стран, они не только создавали очаги новых неизбежных конфликтов, но, подрывали возможности хозяйственного развития этих стран. Тем самым они содействовали упадку и «автаркическому» распаду всего европейского и мирового капиталистического хозяйства и обострили до крайних пределов тягчайший кризис неслыханной длительности и интенсивности, в который это хозяйство, до основания потрясенное войною, впало после краткого периода после-военной конъюнктуры.

Непосредственным следствием такого положения, толкавшего широчайшие рабочие, крестьянские, мелкобуржуазные и интеллигентские массы к безысходному отчаянию и политической апатии и подрывавшего их сопротивляемость демагогической проповеди не только всяческого социального шарлатанства, но и самых крайних форм национализма и шовинизма, — являлось крушение политической демократии в ряде стран и возникновение полуфашистских и фашистских режимов, насильнических и воинственных, пытающихся предотвратить опасный для господствующих классов взрыв социальных антагонизмов путем отвлечения энергии масс в сторону восстановления и культа милитаристской мощи, как средства обеспечить свои собственные интересы за счет уже не только завоевания источников сырья (колоний), но прежде всего за счет порабощения более отсталых в промышленном отношении, располагающих богатыми естественными ресурсами или просто более слабых соседей.

Всем этим снова ставится в порядок исторического дня опасность европейской и мировой войны — не только как отдаленная тенденция, но как совершенно актуальная и конкретная перспектива, делающая для международного социализма необходимым и своевременным теперь же наново наметить основные линии своей военной политики, определяющие одновременно и основные линии его борьбы за предотвра-

am

шение войны и возможно более длительное сохранение мира.

Эти основные тактические линии международного социализма в борьбе за мир и в ходе возможной войны могут быть твердо намечены лишь на основе анализа, вскрывающего за поверхностными, временными и случайными явлениями и за той политической и национальной оболочкой, в которой непосредственно предстает военная опасность, основные экономические и социальные тенденции развития современного капиталистического мира, в котором борется и который хочет преобразовать социалистический пролетариат.

Со своей стороны, Заграничная Делегация РСДРП предлагает вниманию международного социализма нижеследующие положения, определяющие ее собственную позицию в данном вопросе.

2.

1) Войны, как метод разрешения междугосударственных конфликтов и орудие удовлетворения интересов господствующих классов, являются неизбежным спутником капиталистического строя, основанного на эксплуатации, угнетении и конкуренции. В то же время своим разрушительным влиянием на экономические, социальные и культурные условия существования трудящихся масс они создают максимально неблагоприятные условия для их освобождения и крайне затрудняют борьбу за это освобождение. Политика социализма, выразителя интересов и освободительного движения трудящихся масс, на которые падают все тяготы и жертвы войны, не должна оставлять никаких сомнений в том, что вина за сохранение этого пережитка варварства падает целиком на господствующие классы капиталистического общества. Борьба против войны, борьба за мир является одной из основных задач пролетарского социализма. Но эту борьбу он ведет с ясным сознанием, что лишь его собственное торжество навсегда освободит человечество от бича войн и что его методы защиты мира будут тем действительнее, чем более, предупреждая или отодвигая вспышки войн и сплачивая вокруг рабочего класса, как передового борца за мир, широчайшие трудящиеся массы, они будут подготавливать и приближать час этого торжества. Капитализм — это война, социализм — это мир! — усвоение этого лозунга трудящимися массами является основным условием успеха борьбы за мир и против войны.

2) Но, поскольку капитализм, вопреки усилиям социалистов, навязывает трудящимся массам войну, позиция, занимаемая марксизмом по отношению ко всякой данной войне, как и позиция его по отношению ко всем другим, враждебным пролетариату, но неустраняемым явлениям капиталистического общества, никогда не была и не может быть ни чисто гуманитарной, ни догматической. Тактика социалистического пролетариата в той или иной войне определенной исторической эпохи должна сообразоваться с тем значением, какое ход и исход ее может получить в формировании общих условий освободительной борьбы рабочего класса.

3) Эпоха, подготовившая последнюю мировую войну, была эпохой капиталистического подъема. Войны этой эпохи — и больше всего последняя мировая война — основным содержанием своим имели империалистическую борьбу национальных капиталистов за колониальную экспансию и передел мира. Победа в таких войнах могла не только известный тонкий слой пролетариата делать соучастником в использовании плодов победы, но и в широких рабочих массах будить надежду на улучшение их положения при усилении или, по крайней мере, сохранении позиции их отечества на мировой арене.

Поэтому лишь наиболее передовое меньшинство рабочего класса могло уже в начальный период последней мировой войны теоретически доработаться до сознания, что не только мировому пролетариату в целом, но и рабочему классу стран-победительниц она в конечном счете ничего, кроме колоссальных жертв кровью и достоянием, кроме неслыханных страданий, разорения, голода и варварского уничтожения культурных ценностей, принести не может; что и победа, и поражение одинаково делают пролетариат всех стран орудием и жертвой капиталистических интересов. Но при таком характере войны, и с точки зрения этого передового меньшинства, у пролетариата, как класса, никакой другой цели, кроме скорейшего прекращения войны, быть не могло. У него не могло быть поэтому и своей военной политики, а лишь политика анти-военная.

Но, за пределами этого передового меньшинства, международно организовавшегося в Циммервальде, именно в наиболее развитых капит. странах преобладающее большинство социал. партий, отражая настроения преобладающего большинства рабочих масс, было проникнуто убеждением, что, лишь обороняя отечество совместно и в союзе со своим национальным капитализмом, лишь поддерживая его военную политику, оно может отстоять угрожаемые войною интересы и социально-политические завоевания своего пролетариата. Только непосредственный опыт войны, только ее ход и исход могли рассеять эти иллюзии. И естественным политико-психологическим выводом из их крушения стал для социалистического пролетариата абсолютный пафизм: война — никогда, ни за что, ни при каких условиях!

3.

1) Последняя мировая война оборвала прогрессивное развитие капитализма в странах его высшего расцвета. Он оказывается уже не в состоянии справиться с им-же рожденными колоссальными производительными силами и преодолеть те тормазы, которые ставят капиталистическому хозяйству условия им-же продиктованного мира; не в состоянии ни дать работу миллионам рабочих, ни обеспечить элементарнейшие условия существования крестьянским, мелкобуржуазным и интеллигентским массам. Он иммобилизует и разрушает производительные силы вместо того, чтобы развивать их, уничтожает создаваемые богатства вместо того, чтобы умножать их, «автаркически» разбивает мировое хозяйство вместо того, чтобы расширять и организовывать его. Превращаясь из организаторов и движущей силы народного хозяйства в его душителей и паразитов, господствующие классы капиталистического общества теряют ту власть над умами широчайших — не только пролетарских, но крестьянских и мелкобуржуазных масс, которая до сих пор служила опорой их господства в более или менее упорядоченных либеральных и демократических формах, и чем дальше, тем больше оказываются в состоянии лишь средствами голого насилия сохранять свое господство над обществом.

2) Этот характер послевоенной эпохи, как эпохи капиталистического упадка, находит себе выражение в двух фактах всемирно-исторического значения: в анти-капиталистической окраске всех не только пролетарских, но и мелкобуржуазных массовых движений, с одной стороны, в нарастании фашистских тенденций в господствующих классах, с другой.

Все послевоенные революции, оборванные силою внешних обстоятельств или проделавшие впоследствии процесс попятного развития (Германия, Австрия, Венгрия, Польша, Прибалтийские страны, Испания) неизменно обнаруживали либо полное отсут-

стве, либо иссякание революционно-творческих сил буржуазии и выдвигали, в качестве возглавителей и руководителей революционного процесса, пролетарско-социалистические партии, опирающиеся на анти-капиталистические настроения трудящихся масс города и деревни. Единственно утвердившаяся и поныне не закончившая своего цикла русская революция уже в первый, февральский период свой возглавлялась социалистическими партиями и по-сейчас еще черпает жизненные силы в том социалистическом знамени, под которым официально выступает.

Но не менее показательным для фазы упадка, в которую вступил капитализм, является и тот факт, что вынужденные уже сейчас в ряде стран, поставленных мирными договорами в особые условия развития, прибегать к методам открытого насилия для сохранения своего социально-экономического господства над обществом, капиталистические классы не могут практиковать этих методов под своим собственным идейно-политическим знаменем. Политическую власть они вынуждены передоверять шайкам авантюристов, демагогически использующих анти-капиталистические настроения масс, чтобы самый анти-капиталистический бунт их попытаться превратить в орудие сохранения социально-экономических привилегий господствующих классов.

Побѣда фашизма в Германии, самой индустриальной стране Европы, как и нарастание фашистских тенденций в господствующих классах самых демократических стран, одинаково свидетельствуют о том, что при всех неоспоримых национальных особенностях возникновения и идеологического оформления фашистских режимов в отдельных странах, фашизм представляет собою явление отнюдь не местного и национального лишь порядка — в том смысле, что общая тенденция развития упадочного капитализма все более подпрыгивает возможность существования капиталистического общества в политической оболочке либерализма или демократии: что демократия все больше становится исторически возможной лишь как демократия социалистическая и что, наоборот, политические формы фашизма становятся той специфической формой самозащиты теряющего жизнеспособность капитализма, к которой все больше начинает тяготеть политическая идеология господствующих классов всех стран, тем оружием против напора социалистического пролетариата, за которое они захотят ухватиться в тот исторический момент, когда потрясения войны поставят их господство на карту.

4.

1) В эпоху упадка капитализма меняется и характер войн, к которым он еще неудержимее толкает человечество, чем в эпохи своего подъема и расцвета.

Когда капитализм уже не может ни рационально использовать созданные им производительные силы, ни справиться с имеющимися в его распоряжении громадными запасами сырья и продуктов иначе, как путем уничтожения значительной части их, ни обеспечить работу и хлеб миллионам трудящихся, — то даже колониальные войны его перестают быть орудием расширения сферы и объема мирового хозяйства и борьбы отдельных отрядов капиталистической буржуазии за повышение своей доли участия в эксплуатации плодов мирового хозяйственного роста. Войны становятся для господствующих классов одних стран простым средством упрочить свое собственное паразитическое господство на основе дальнейшего «автаркического» разрушения мирового хозяйства, на основе его неподвижности или даже сужения, за счет тем большего обнищания других стран. Капитализм теряет таким образом возможность оправдывать развязываемые им войны, как хотя бы и

варварский, но, в его рамках, действительный метод экономического прогресса: войны явно превращаются в орудие борьбы за сохранение капитализма на основе экономического застоя, упадка и реакции.

2) Конечно, на окраинах капиталистического мира (напр., Южная Америка) источником войн может служить попрежнему чисто экономическое соперничество господствующих классов отдельных стран. На Дальнем Востоке молодой капитализм Японии, шаг за шагом захватывающий Китай и протягивающий свои руки к Советскому Союзу, ведет политику империалистической экспансии, которая стремится создать новый мощный очаг капиталистической цивилизации на Тихом океане и которая, приходя в столкновение с интересами и старых капиталистических держав, и Советского Союза, и переживающего национальную революцию Китая, создает новый и самостоятельный источник военной опасности. И, конечно, военно-опасный экономический империализм продолжит играть существеннейшую роль во внешней политике стран старого капиталистического мира.

Но в перспективе надвигающейся обще-европейской и мировой войны, в которой, если она вспыхнет, будут решаться общие судьбы капиталистического мира, имеет основное значение тот факт, что в центре этого мира в ряде стран непосредственным и решающим источником военной опасности все более становятся те фашистские и полу-фашистские режимы, которые возникают на основе крайнего напряжения социальных антагонизмов в условиях общего упадка капиталистической системы. Фашизм сам становится главнейшей угрозой миру. И чем более универсальный, мировой характер будет принимать война, накликаемая им на человечество: чем очевиднее будет становиться, что фашизм выступает в ней знаменосцем господствующих классов всего упадочного капиталистического мира в их борьбе за сохранение своего, более чем когда-либо паразитического и реакционного, господства: — тем более будет нарастать опасность, что колоссальное напряжение социальных антагонизмов будет побуждать господствующие классы и демократических ныне стран протягивать руки фашизму — поведя разделяющих их траншей. во имя объединяющей их общей борьбы против социальной революции пролетариата. Но тем очевиднее должно будет раскрываться при этом действительное историческое содержание надвигающейся войны и тем настойчивее вставать перед сознанием трудящихся масс всех стран одинаково тот основной вопрос, который она поставит в порядок исторического дня: капитализм в его фашистской форме или социализм?

5.

1) При таком характере войн периода капиталистического упадка отныне и к ним рабочего класса всех стран без исключения не может уже сводиться к требованию скорейшего прекращения их на основе восстановления до-военного положения.

Рабочий класс по-прежнему должен сосредоточивать все силы свои на борьбе за предотвращение войн, на борьбе за мир, и не только бросать на эту борьбу всю мощь своих классовых организаций со всеми свойственными им методами массового действия (бойкот, стачки и пр.), но и использовать в интересах ее все учреждения (Лига Наций) и все формы «организации безопасности» (общие и региональные пакты, арбитраж, конференции по разоружению), в которых находят себе выражение тенденции определенных слоев капиталистической буржуазии или определенных групп

капиталистических государств, по тем или иным причинам, хотя бы национального и империалистического порядка, стремящихся в данный исторический момент к сохранению мира. Но, в условиях современной эпохи, и вся борьба пролетариата за мир должна быть проникнута сознанием, что капитализм уже не располагает никакими иными средствами хотя бы и временной охраны мира, кроме тех, которые сами в себе таят опасность новых и все более всеобъемлющих войн; что основным условием предотвращения войн в эту эпоху может быть лишь предупреждающее войны революционное низвержение фашизма в тех странах, где он уже овладел властью, и преграждение ему пути к власти во всех других; что поэтому, для действительного и прочного успеха, пролетарская борьба за мир должна быть везде и всюду неразрывно связана с борьбой рабочего класса за власть и социализм.

Но поскольку, вопреки этой пролетарской борьбе за мир, война все-же разразится; поскольку будет становиться очевидным, что победа германского фашизма в этой войне означала бы погружение капиталистической Европы в средневековое варварство и крушение всех надежд рабочего класса на социальное освобождение, поскольку поэтому, наряду и поверх всех национальных целей и задач войны, будет выдвигаться, как действительная историческая ставка ее, тяжба между социализмом и фашизмом; — постольку перед всем международным пролетариатом будет вставать в ходе такой войны единая, классовая цель, принципиально отличная от целей, которые могут и будут ставить себе в ходе войны какие бы то ни было национальные отряды капиталистической буржуазии. Этой общей всему пролетариату целью не может быть что либо иное, кроме разгрома фашизма, как последнего оплота падающего капитализма, и победы социализма.

2) Единство цели всего международного пролетариата в ходе войны диктует ему и единство основных принципов его военной политики. Ставя себе задачей превратить навязанную ему войну в могилу фашизма и тем самым в исходную точку пролетарской победы над капитализмом, рабочий класс очевидно не может ни предоставить выполнение такой задачи каким бы то ни было, хотя бы и демократическим отрядам капиталистической буржуазии, ни рассчитывать на осуществление ее в сотрудничестве с ними, методами отказа от своей собственной, классовой политики в ходе войны. Политика «межклассового мира» (священного единения, бургфридена) не может быть поэтому приемлемой для него ни в одной из воюющих стран. Наоборот, завоевание власти рабочим классом, — осуществляемое разными путями в разных странах, в зависимости от того места, которое они будут занимать в угрожающем военном конфликте, и той роли, которую они будут в нем играть, — представляет собою во всех странах без исключения необходимое условие социалистического завершения войны, и потому борьба за власть всюду одинаково является основным принципом военной политики пролетариата — не только в ходе уже разразившейся войны, но и в борьбе за ее предотвращение.

6.

1) Этим основным принципом должна определяться международно-политическая ориентация пролетарского социализма. Но эта ориентация происходит не в безвоздушном пространстве, а во вполне определенной исторической обстановке.

Сейчас в этой обстановке наиболее уязвимым пунктом фашизма оказывается фашизм и т а л ь я н

ский, начавший войну в Африке, и весь международный пролетариат одинаково заинтересован в том, чтобы не трудящиеся массы Италии, а ее фашистский режим возможно дороже заплатил за свое преступление, чтобы это преступление стало началом его конца.

Но основные черты, которые характеризуют современную историческую ситуацию и которые тотчас-же выявились бы с очевидностью, если бы итало-абиссинской войне суждено было развязать европейский, а затем и мировой конфликт, заключаются в ином. Они заключаются в том, что главной цитаделью и жизненным центром мирового фашизма все более становится национал-социализм Германии, наиболее мощной капиталистической страны европейского континента, и что, с другой стороны, Советский Союз, страна, наиболее непосредственно угрожаемая войною, и в то же время страна революции, еще не закончившей своего цикла и выступающей под социалистическим знаменем, является той крепостью, в которой мировой пролетариат может найти мощную опору для своей борьбы против фашизма и, через него, против капитализма.

Поскольку все гигантское предвоенное напряжение современной исторической ситуации грозит разразиться войною, в которой германский национал-социализм, при помощи своих союзников, в первую голову — японского империализма, попытается разгромить Советский Союз, чтобы за его счет влить свежую кровь в свои жилы, увековечить свое господство над Германией и дать толчок наступлению фашизма во всем мире, — постольку свою борьбу за власть, как средство предотвратить войну или закончить ее в пролетарском духе, если она все-же разразится, пролетарский социализм не может вести иначе, как на фоне и в рамках борьбы за предотвращение возможности победы германского национал-социализма и разгрома Советского Союза.

2) В таких условиях только в фашистской Германии и в странах союзной ей коалиции может и должен будет пролетарский социализм вести в ходе войны свою борьбу за власть рабочего класса под знаком «революционного пораженчества» — с тем, чтобы возможно скорее превратить фашистскую Германию в Германию пролетарскую, немедленный мир с которой на основе ее территориальной неприкосновенности, независимости, свободы и полнейшего равноправия уже сейчас должен быть провозглашен лозунгом всего международного пролетариата.

Наоборот, в странах коалиции, противостоящей германскому фашизму, та же самая борьба за власть может и должна вестись на почве положительного отношения к военной обороне против германского фашизма и к вооруженной победе над ним. Но методы социалистического содействия этой обороне и этой победе, как и методы социалистической критики военной политики буржуазии должны будут всецело определяться стремлением подготовить в самом ходе войны и на почве разрешения выдвигаемых ею конкретных задач — завоевание власти пролетариатом. Они должны будут определяться стремлением — в самом ходе войны внушать широчайшим трудящимся массам убеждение, что лишь переход власти, а вместе с нею и руководство войною, в руки пролетариата сможет лишить войну каких бы то ни было империалистических целей, превратить ее из войны одних стран против других в войну объединенных трудящихся масс всех стран за низвержение их общего врага — мирового фашизма и привести к скорейшему завершению ее торжеством социализма, единственно способного разрешить непосильную уже

для капитализма задачу восстановления, расширения и организации мирового хозяйства на началах, обеспечивающих интересы всех народов, их равноправный и свободный союз и, вместе с тем, всесветный мир.

3) В то же время, делая защиту Советского Союза за одним из главных устоев своей борьбы за власть рабочего класса и за мир, международный социализм должен будет требовать, чтобы Советский Союз и в борьбе за мир, и в ходе возможной войны был действительно способен играть роль опоры международного революционно - пролетарского движения; чтобы его участие в войне имело действительно пролетарско-революционный, а не национально - шовинистический характер; чтобы в рамках той коалиции, в составе которой ему, быть может, придется вести войну, Советский Союз не был ни орудием, ни соучастником тех империалистических целей, которые будут ставить себе его капиталистические союзники, а знаменосцем и собирателем сил всего международного пролетариата; чтобы политика самого советского правительства не рождала контр - революционной опасности, особенно грозной в обстановке войны, а была направлена на удовлетворение интересов широчайших трудящихся масс, рабочих и крестьянских, на примирение их с революцией, на развязывание их революционно - демократической энергии и самостоятельности.

Международный социализм должен будет требовать поэтому, чтобы не только предвоенная обстановка, но и самая война отнюдь не служили предлогом к сохранению, а то и еще большему завинчиванию диктаторско-террористического пресса; чтобы, наоборот, военная и связанная с нею контр-революционная опасность; равно как и та роль, которую Советский Союз может и должен играть в борьбе международного пролетариата за анти-фашистскую и социалистическую ликвидацию войны, положили начало настоятельно необходимой для предотвращения этой опасности и для выполнения этой роли — ликвидации диктаторско-террористических методов управления и переходу к общей демократизации советского режима на началах свободы и самостоятельности политических и профессиональных организаций трудящихся и предоставлений

простора и действительной возможности организованной работы всем партиям и группам, готовым защищать Советский Союз, как страну революции, и содействовать превращению его в форпост международного пролетариата в его борьбе за мир, свободу и социализм.

В особенности считает Заграничная Делегация РСДРП необходимым подчеркнуть, что в случае войны все социалисты Советского Союза без исключения должны вложить все силы свои в революционную оборону страны. Не прекращая своей оппозиции большевистской диктатуре, они должны подчинить формы и методы этой оппозиции необходимости добиться победоносного выхода СССР из войны, одинаково необходимого как в интересах российских трудящихся масс и российской революции, так и в интересах всего международного пролетариата.

7.

На основе всего вышеизложенного, не входя в детальное обсуждение конкретных формулировок и отдельных положений в тезисах, опубликованных тт. Бауэром, Даном, Дюнуа и Жиромским, и отмечая лишь недостаточно отчетливую характеристику как внутренних противоречий советского режима, так и тех предпосылок, на основе которых Советский Союз сможет успешно сыграть отводимую ему историей в грядущей войне роль собирателя революционно-социалистической энергии мирового пролетариата, — Заграничная Делегация РСДРП выражает свою солидарность с основными линиями международно-пролетарской военной политики, намеченными в этих тезисах.

**

Напечатанные выше тезисы «Война и социализм» были обсуждены Заграничной Делегацией РСДРП на заседаниях 10 и 14 декабря и приняты 5 голосами (Б. Гуревич, Ф. Дан, С. Шварц, А. Югов, И. Юдин) против 4 (Р. Абрамович, Г. Аронсон, М. Кефали, Б. Николаевский).

Работам ЗД предшествовали 30 ноября и 7 декабря заседания «совещания при ЗД», на которых были обсуждены 4 представленных проекта тезисов (Г. Аронсон, П. Гарви, Ф. Дан, О. Доманевская). В основу тезисов З. Д. был положен проект Ф. Дана.

Военная политика международного социализма

Напечатанные выше тезисы Заграничной Делегации РСДРП определяют позицию нашей партии в самом жгучем и — увы! — самом актуальном вопросе международного социалистического движения.

Тема «война и социализм» была поставлена в порядок дня Рабочего Социалистического Интернационала при самом его основании в 1923 году. Гамбургский учредительный конгресс, на котором состоялось слияние партий, оставшихся верными старому, «второму» Интернационалу, с партиями «Венского Об'единения», не ограничился тем, что ввел в устав нового, об'единенного Интернационала завещанное Мартовым положение о том, что Интернационал должен быть верховной инстанцией международного социализма не только во время мира, но и во время войны. В своей резолюции об «империалистических мирных договорах и задачах рабочего класса» конгресс пошел дальше: он признал «необходимость полного выяснения принципов поведения пролетарских партий во время войны» и заявил, что «изучение этих вопросов является обязанностью Интернационала».

Но это решение Гамбургского конгресса было скорее

данью горьким воспоминаниям о недавнем прошлом, когда невыясненность «принципов поведения пролетарских партий во время войны» привела к расколу Интернационала и всего рабочего движения, чем выражением настоятельной и жгучей потребности определить сейчас-же основные линии военной политики пролетариата на будущее время. Ибо, казалось, вся действительность на долгое время лишает вопрос об этих «линиях» всякого практического значения. Воспоминания о недавней войне с ее ужасами для трудящихся классов и опасностями для классов господствующих были еще слишком свежи, чтобы можно было ожидать ее скорого повторения. Гражданская и интервенционная война в Советской России и ее война с Прибалтийскими странами и Польшей закончились, и, осененные знаменем зпа, Советы, через генуэзскую конференцию, дипломатические «признания» и договоры, начали входить в «семью европейских народов». После военного разорения наступила эра капиталистического процветания и стабилизации, которой, казалось, не будет конца. В Италии выплыл, правда, на поверхность фашизм, но он расценивался лишь как явление местное и национальное и притом как явление исключительно

политического порядка, как антитеза демократии, а не как симптом глубокого и неизлечимого кризиса всей социально-экономической системы мирового капитализма. За исключением Италии, Пиренейского и Балканского полуостровов демократия официально господствовала в послевоенной Европе, и в рамках этой демократии рабочие партии усиливали свое политическое влияние, участвовали в правительствах и возглавляли их, а через правительства воздействовали и на возникшие после войны органы «международной демократии» — Лигу Наций и пр. При таких условиях казалась вполне реальной соблазнительная мечта — без новых потрясений, без революционных и военных катастроф, единственно методами национальной и интернациональной демократии добиться и торжества социализма, и мирного союза равноправных и разоружившихся народов, по доброму согласию освободившихся от железных оков, наложенных на них насильственными мирными договорами.

Решение Гамбургского конгресса о выяснении «приципов поведения прслетарских партий во время войны» осталось мертвой буквой именно потому, что в течение свыше десятилетия после Ламбурга вся внешняя политика международного социализма ориентировалась на то, чтобы в рамках мирных договоров, на их почве, пользуясь созданной ими Лигою Наций, обеспечить длительный мир на основе полюбовной ревизии договоров во всем, в чем они грубо нарушали экономические и национальные интересы отдельных народов, и столь же полюбовного разоружения. И когда в 1929 году, под влиянием советско-китайского столкновения из-за железной дороги, впервые поставившего перед Социалистическим Интернационалом вопрос об его отношении к начавшейся войне, как конкретной реальности, с одной стороны, под влиянием агрессивной политики итальянского фашизма по отношению к демократической Австрии, с другой, Ф. Адлер взял на себя инициативу открыто поставить вопрос о политике Интернационала на случай, «если война все-же вспыхнет», — его статья была переведена на множество иностранных языков, но, за исключением статьи Ф. Дана в «Кампф», не вызвала ни серьезной критики, ни дискуссии: она была сразу зачислена в разряд «пропагандистских» брошюр, конечно весьма полезных, но актуального, практического значения не имеющих...

Понадобились события совершенно иного масштаба, чтобы вывести международный социализм из состояния благодушной успокоенности и веры в мирное, органическое развитие на путях национальной и интернациональной демократии. Небывалый по силе и длительности кризис, потрясший до основания все здание мирового капитализма, вскрыл эфемерность и иллюзорность после-военной капиталистической «стабилизации» и «просперити». Победы фашизма в одной стране за другой, вплоть до прихода его к власти в самой индустриальной стране европейского континента, Германии, с одной стороны, кровавые пролетарские восстания (Австрия, Испания), с другой, слишком очевидно уходили своими корнями в этот мировой кризис, чтобы можно было не видеть всей неустойчивости после-военной демократии и закрывать глаза на связь этих политических процессов с общим потрясением после-военного капитализма, с теми социальными проблемами, которые его банкротство ставит в порядок исторического дня. Систематическая агрессия Японии на Дальнем Востоке; выход ее, а затем и фашистской Германии из Лиги Наций и, наоборот, вступление в Лигу Советского Союза; «региональные пакты», предназначенные уже не демократическими приговорами женеvского трибунала, благоговейно - демократически принимаемыми к исполнению народами, а потенциальной силой оружия охра-

нять шаткий мир; быстрое восстановление милитаристской мощи германского фашизма, крах конференции по разоружению и вновь начавшаяся скачка вооружений и пр., и пр. — все это слишком очевидно свидетельствовало о том, что полоса потрясений, революционных и военных катастроф, угрожающая Европе и вместе с нею всему миру, не фантастика романтиков и утопиков, а реальность, с которой не могут не считаться самые «реалистические» партии и деятели Интернационала, с которой, наоборот, именно они наиболее вынуждены считаться, потому что их, опирающихся на массовые организации, занимающих влиятельное положение в парламентах и правительствах, она не посредственно ставит лицом к лицу с целым рядом самых практических вопросов. И когда гром войны ударил в Абиссинии, сразу отозвавшись гулким эхо во всех концах земного шара, политике отталчивания от проблем войны под тем предлогом, что «говорить о войне значит наклеивать ее», был нанесен решительный удар через 13 лет после основания РСИ его расширенным Бюро (май 1935 г.) решило приступить к выполнению «обязанности», провозглашенной Гамбургским конгрессом, и, по инициативе гг. Бауэра и Дана, выбрало специальную комиссию для подготовительной разработки вопроса о «принципах поведения пролетарских партий во время войны».

В таких условиях «тезисы четверки» (Бауэр, Дан, Дюнуа, Жиромский) получили, понятно, совершенно иной резонанс, чем опередившая их на 4½ года инициатива Ф. Адлера: они стали той осью, вокруг которой разворачивается и публичная, и внутри-организационная дискуссия в рядах международного социализма. Эту роль «тезисы четверки» играют, однако, не только потому, что они пришли во время, более благоприятное для привлечения внимания всех партий Интернационала без исключения к трактуемой ими проблеме. Они играют ее и потому — и больше всего потому, что, учитывая глубочайшие экономические, социальные и политические изменения, происшедшие со времени последней войны во всем укладе мира, они исходят из констатации того факта, что за истекшее время коренным образом изменилась и самая постановка проблемы, и что поэтому необходимо радикальное и дейное политическое перевооружение международного социализма, чтобы он мог оказаться на высоте задачи, «если война все-же вспыхнет».

Когда на Гамбургском конгрессе шла речь о выяснении принципов военной политики международного социализма, то имелось в виду не что иное, как состязание между двумя порядками идей, сформировавшихся в последнюю мировую войну: «социал-патриотизмом», носителем которого был «второй» Интернационал, «циммервальдийским интернационализмом», представителем которого выступало Венское Об'единение. Из рамок этой дилеммы не выходила, в сущности, и статья Ф. Адлера, хотя и расширявшая вопрос требованиями, чтобы практическая политика социалистических партий отдельных стран во время войны определялась не ими самими, а всем Интернационалом в целом. Но принудительно навязывавшаяся всем партиям Социалистического (да и Коммунистического) Интернационала необходимость противодействия воинствующему германскому национал-социализму, защиты Советского Союза и, наконец, поддержки санкций по отношению к итальянскому фашизму шаг за шагом на деле подтачивала цельность и устойчивость той политики мирного интернационального демократизма, которую вел РСИ со времени своего основания.

Конечно, война осталась по-прежнему ненавистой социализму. И, конечно, борьба за ее предотвращение остается главнейшей задачей его международной политики. Но все те средства охраны мира, к которым оказался вынужден прибегать международный социализм или которые он вынужден был поддерживать, не только опирались, как уже сказано выше, на потенциальную силу оружия, но и сами включали в себя элемент военного риска — система «коллективной безопасности», региональные пакты и пр., не говоря уже о политике «санкций», наиболее действительной опорой которых оказался явно для всех британский военный флот. В цельную по своему идеологии демократического разоружения и пассивного пацифизма, лежавшую свыше десятилетия в основе международной политики социализма, стали просачиваться совершенно чуждые ей струи положительного, активного отношения к войне и ее основному инструменту — оружию, разумеется — лишь в определенных условиях, но в условиях, становившихся все очевиднее типичными и характерными для новой эпохи.

Практика, конечно, и в этом случае далеко обгоняла теорию и идеологию, как всякая теория и идеология, обладающие колоссальной силой инерции. Но достаточно было прикосновения теоретической, обобщающей мысли к этой практике, чтобы увидеть, что все старые идеологические установки — социалпатриотизм, пацифистский интернационализм, революционное поражение — не дают и не могут дать ответа на вопросы, настоятельно выдвигаемые практикой, что с старыми догматами в новой обстановке вообще нечего делать, что нужна совершенно новая ориентировка международной политики социализма. Эту новую ориентировку, которую можно, вместе с т. Аустриакусом*), характеризовать, как активный пролетарский интернационализм, и попытались дать «тезисы четверки». В какой степени даваемая тезисами новая трактовка проблемы «Война и социализм» учитывает подлинный «дух времени» и является лишь обобщением той новой политической мысли, ростки которой пробиваются в самых недрах международного рабочего движения, — лучшим свидетельством тому являются итоги работ руководимого т. Дальтоном «семинария» самой консервативной в своей традиционной пацифистской идеологии партии — английской**). Более того. Те отклики, которые «тезисы четверки» встретили в печати коммунистических и иных партий, стоящих вне РСИ, и та дискуссия, которая ведется по тем же вопросам в печати этих партий***), свидетельствуют о том, что и во всех других отрядах международного пролетариата политическая мысль работает в том-же направлении, и что таким образом пропагандируемый тезисами «активный интернационализм» имеет все шансы стать платформой единства международной политики всего мирового пролетариата.

Заграничная Делегация РСДРП встала целиком на почву этого «активного интернационализма», признав свою «солидарность с основными линиями международно-пролетарской военной политики, намеченными в тезисах четверки». Но, солидаризуясь с тезисами четверки, тезисы З. Д. их отнюдь не повторяют.

*) «Пролетариат и война» («Кампф», июнь 1935 г.). Во французском переводе эта статья появилась в серии брошюр, издаваемых «Новым Прометеем».

***) См. статью «Внешняя политика Рабочей Партии» в № 1 нового трехмесячника «Социалистиче Трибюне».

****) См. особенно французский коммунистический журнал «Кэ фр?» и «Марксистиче Трибюне», орган Социалистической Рабочей Партии Германии.

Намечая внешне-политическую ориентацию международного социализма, ни тезисы четверки, ни тезисы З. Д. не ставили себе и не могли ставить утопической и в самой методологической основе своей порочной задачи — дать сборник готовых тактических рецептов на все возможные случаи войны или хотя бы лишь на один вариант ее. Речь шла и могла идти лишь об основных принципах пролетарской политики, тактическое применение которых к конкретной, сложной и по необходимости противоречивой действительности всегда требует и будет требовать самостоятельной и творческой работы политической мысли: компас — необходимое орудие путника, указывающее ему направление, в котором он должен идти, чтобы достичь желанной цели, но самый совершенный компас не может избавить его от необходимости собственными усилиями преодолевать трудности дороги и собственным разумом ориентироваться в ее извилинах и сплетениях, подъемах и спусках. Но, в силу ряда соображений и, прежде всего, в силу «практической» установки тех партий Интернационала, идеологический консерватизм которых тезисы четверки ставили себе целью преодолеть, эти тезисы попытались выяснить «принципы поведения пролетарских партий во время войны» на основе одной, вполне определенной группировки сил в этой грозящей войне, — группировки, предполагающей две сталкивающиеся друг с другом коалиции, одна из которых возглавляется германских фашизмом, другая же включает в себя Советский Союз. Тезисы З. Д. идут другим путем. Их главная задача и главный метод — обобщающий анализ всей экономической, социальной, политической и международной действительности капиталистического мира, — анализ, подводящий теоретический фундамент под позицию, занятую тезисами четверки, и дающий принципиальное обоснование всей политике «активного пролетарского интернационализма», как единственно рациональной в нашу эпоху политике социалистического пролетариата по отношению ко всякой войне, имеющей или могущей получить общеевропейское и мировое значение.

Ибо, в характеризующих нашу эпоху условиях незрелости и упадочности капитализма в ныне решающих центрах его господства, всякая такая война будет в самом ходе своем все настойчивее ставить в порядок исторического дня решительное столкновение между миром вырождающегося капитализма и рвущегося к осуществлению рабочего социализма. Всякая такая война, по мере своего развития, будет все больше вскрывать действительное историческое значение фашизма, как последнего оплота падающего капиталистического мира. Поэтому во всякой такой войне разгром фашизма, — не как представителя какого-либо национального капитализма, а как той политической формы, к которой тем больше будут тяготеть господствующие классы всего капиталистического мира, по какую сторону траншей они бы ни стояли, чем больше война будет ставить на карту их господство, — должен стать несовместимой с абсолютным пацифистским, «неприятием войны» задачей военной политики пролетариата, тем мостом, через который он только и может прийти к социалистической победе. Поэтому во всякой такой войне борьба за власть рабочего класса, делающая принципиально неприемлимыми для него все виды «бургфридена», должна будет стать во всех воюющих странах без исключения основной, руководящей идеей пролетарской военной политики. Но поэтому-же та-же самая руководящая идея должна будет продиктовать пролетариату упраздняющую догматическое «пораженчество», разную тактику по отношению к войне в различных группировках воюю-

щих между собою держав — не в зависимости от большей или меньшей «демократичности» той или иной группировки, а в зависимости от того, какую роль она будет играть в системе военной самозащиты мирового фашизма, и от того, в каком пункте этому фашизму может быть с наибольшими шансами на успех нанесен смертельный удар.

Только такое обоснование, исходящее из понимания нашей эпохи, как эпохи капиталистического декаданса, подводит несокрушимый фундамент под политику «активного пролетарского интернационализма». Только оно разделяется начисто с идейно-политическим консерватизмом — «правым» и «левым» одинаково. И только оно дает ответ на те принципиальные возражения, которые выдвигаются против «тезисов четверки».

Если еще в 29 году можно было по праву возражать Адлеру, что лозунг «против фашизма» грозит сыграть — в смысле поощрения политики «священного единения» — такую-же роль, какую в 1914 году играл лозунг «против царизма» по одну сторону траншей и лозунг «против прусского милитаризма» по другую сторону их, то теперь такое возражение лишено всякой убедительности. Или, вернее, оно может быть убедительным лишь для того, кто и теперь, в 1936 году, после прихода к власти Гитлера в Германии, после австрийского и испанского восстаний, после обнаружившегося нарастания фашистских тенденций в господствующих классах всего капиталистического мира, все еще отказывается видеть в фашизме своего рода «знамение времени» — времени капиталистического упадка, — а видит в нем лишь обусловленный местными и национальными обстоятельствами феномен исключительно политического порядка. Но именно такое понимание фашизма, и только оно, неизбежно ведет и к пониманию содержания надвигающейся войны, как войны между «фашистским» и «демократическим» капитализмом, а, следовательно, на деле и к политике бургфридена в демократических странах. Ибо, если бы действительно была еще возможна война, исторической ставкой которой было бы состязание между «фашизмом» и «демократией», как политическими формами капитализма, то самые насущные интересы пролетариата требовали бы активного участия его в этом состязании на стороне «демократии».

Но в том-то и дело, что анализ действительности вскрывает всю нереальность такой постановки вопроса. Если бы и случилось, что германский фашизм напал бы на демократические Францию и Бельгию при нейтралитете Советского Союза, то и в этом случае перед бельгийским, французским и всем международным пролетариатом стоял бы не вопрос: фашизм или демократия? — а вопрос (см. тезисы З. Д.): капитализм в его фашистской форме или социализм? Следовательно, и в этом случае позиция «активного интернационализма» давала бы пролетариату тот угол зрения, который только и может помочь ему ориентироваться во всякой войне того масштаба или значения, о которых идет речь.

Но тот-же анализ показывает, что участие во всякой обще-европейской и мировой войне двух блоков, один из которых будет возглавляться германским фашизмом, а в другом будет участвовать Советский Союз, — не игра фантазии, а реальный вывод из всей мировой обстановки; что поэтому тот «случай», который взяли для иллюстрации политики «активного интернационализма» тезисы четверки, выбран ими не произвольно, а в плане исторической закономерности.

Конечно, в порядке умственной гимнастики можно измыслить и всякие иные комбинации. Но все такие комбинации будут либо нереальными (как нейтралитет Советского Союза), либо предполагающими такие

глубокие изменения внутренне- и внешне-политического порядка в разных странах, которые радикально изменили бы имеющуюся реальную расстановку сил на международной арене. Так, крестовый поход всего объединенного капиталистического мира против СССР был бы возможен в начале войны — лишь при совершенно фантастическом предположении, что разлагающийся капитализм способен к такому радикальному преодолению подтачивающих его антагонизмов, к какому он не был способен и в эпоху своего расцвета, в конце войны — лишь при предположении, что фашизм уже одержал победу и стал не в тенденции лишь, а на деле «мировым», и что пролетариат уже повсеместно потерпел поражение. Так, военный союз СССР с германским фашизмом был бы мыслим, лишь при условии торжества бонапартистско-фашистской контр-революции в самом Советском Союзе. И т. д. Но, поскольку принципы «активного интернационализма» являются естественным выводом из анализа всего после-военного развития и обусловленного этим развитием характера грядущих войн, постольку эти принципы дают международному социализму возможность твердо наметить свою «линию поведения» во всех возможных военных комбинациях, предвидеть и учесть которые заранее немислимо. «Непредвиденная» итапо-абиссинская война лучше всего показывает, как именно эти принципы одни лишь способны не только рационально объяснить, но и рационально, с пролетарски-социалистической точки зрения, направлять ту политику поддержки «санкций», на почве которой встали стихийно, эмпирически, а потому и беспоследовательно, все партии РСИ за единственным, кажущимся, исключением американской *).

Тот-же анализ после-военного развития, который ставляет предвидеть наличие двух группировок в грядущей войне, приводит к заключению, что в ходе этой войны, германский фашизм, с одной стороны, Советский Союз, с другой, станут центрами притяжения и кристаллизационными пунктами двух полярно-противоположных социальных сил — капиталистической буржуазии и социалистического пролетариата, и что поэтому защита Советского Союза становится такой-же основной задачей военной политики международного пролетариата, как разгром германского фашизма. И в этом вопросе тезисы З. Д. целиком совпадают с тезисами четверки.

Но этим последним тезисам делается упрек, что они считают Советский Союз «страной социализма», и что именно поэтому они лишь в Советском Союзе видят источник революционно-пролетарских возможностей, таящихся в грядущей или грядущей войне. Если бы этот упрек был основателен, то линии военной политики пролетариата, намеченные четверкой, должны были бы быть совсем иными. Если бы и впрямь СССР был уже «страной социализма»; если бы и впрямь его участие в какой-либо коалиции накладывало решаю-

*) Разумеется, это не значит, что, с точки зрения этих принципов, можно заранее дать готовый тактический рецепт на все конкретные проблемы пролетарской политики, которые могут возникнуть в ходе войны. Так, напр., «убийственный» вопрос: «а будут-ли интернациональные активисты стоять за стачки рабочих оружейных заводов в странах анти-гитлеровской коалиции?» — может быть рационально поставлен (а, следовательно, и получить рациональный ответ) лишь в том случае, если он ставится не абстрактно, а в определенных условиях места, времени, военной и обще-политической ситуации и т. п., заранее не предвидимых. Известная фраза тезисов четверки, призывающая рабочих этих стран «к выполнению их долга в качестве солдат и работников военной промышленности», означает лишь, как пояснено в самых тезисах, призыв к отказу от политики саботажа войны на фронте и в тылу. Не меньше, но ни в коем случае и не больше!

щую печать на военную политику этой коалиции и, независимо от намерений других ее участников, предопределяло революционно-социалистическую ценность ее победы, — то единственно логическим выводом отсюда была бы политика бургфридена в союзных СССР странах. Ибо в этом случае можно было бы с полным правом сказать: единственно, что важно, это победа Советского Союза; все остальное приложится! И можно лишь удивляться непоследовательности тех критиков, которые одновременно и считают победу Советского Союза единственной и достаточной гарантией торжества мировой социальной революции, и проповедают ослабляющее шансы этой победы «революционное поражение» в союзных ему странах, впадая при этом в противоречие с самой большевистской диктатурой, которую они считают «строительницей социализма», и которая, однако, — и куда последовательнее с этой точки зрения! — устами Сталина в его известной беседе с Лавалем определенно одобрила политику, которую иначе, как политикой бургфридена, назвать нельзя.

На самом деле делаемого им упрека тезисы четверки не заслуживают. И в § 2 первого раздела, и в § 1 третьего они определенно указывают на непредрешенность социалистического завершения советской революции и даже прямо подчеркивают ту опасность «бонапартистского финала», которая угрожает ей в ходе войны и которая усиливается «диктатурой узкого слоя». На самом деле они определенно формулируют условия, при которых имеющиеся в советской революции социалистические возможности только и могут развиваться «в направлении» к созданию «социалистического общества», и, в качестве этих условий, выдвигают на первый план демократическую ликвидацию террористической диктатуры на основе «развязывания свободной организованной самодеятельности народных масс», с одной стороны, нарастания революционной борьбы международного социалистического пролетариата против фашизма, с другой. На самом деле они признают желательной с точки зрения пролетариата победу Советского Союза не потому, что она сама по себе «предрешает» победу мирового социализма, а потому, что она эту победу «существенно облегчила бы», между тем как поражение Советского Союза в войне и связанное с этим поражением господство контр-революции в нем «оборвали бы всякую возможность эволюции» его «в направлении» к социализму и были бы поэтому колоссальным подарком судьбы фашизирующемуся капитализму.

Все это — мысли, от которых З. Д. тем менее имела основание отгораживаться, что они целиком соответствуют установке нашей собственной партии. Но З. Д. сочла нужным отметить «недостаточную отчетливость» формулировок, посвященных в тезисах четверки советской проблеме, — недостаточную отчетливость, вполне объяснимую тем, что тезисы эти являются продуктом коллективной работы авторов, связанных единомыслием в подходе как к этой проблеме, так и к другим основным проблемам международного социализма, но имеющих, как хорошо известно, и свои особые оттенки в их трактовке.

В разделе тезисов З. Д., посвященном Советскому Союзу, все возможные на этот счет недоразумения во всяком случае устранены. В тезисах З. Д. советская проблема целиком выдвигается в общие рамки проблем международного рабочего движения, которые будут поставлены в порядок дня войною и которые уже теперь должны определять международную политику его в борьбе за предотвращение войны; революционно-социалистические возможности, заложенные в развитии Советского Союза, вполне определенно поставлены в связь и взаимозависимость с революционно-социалистическими возможностями, тающимися в недрах разлагающегося, но не желающего умирать и готового затопить весь мир в крови, капитализма. Но, именно исходя из анализа этих мировых возможностей и перспектив, наша партия может с тем большею силою и убежденностью призывать, в полном согласии с тезисами четверки, «всех социалистов Советского Союза без исключения вложить все свои силы в революционную оборону страны» и в подготовку ее победы, «одинаково необходимой как в интересах российских трудящихся масс и российской революции, так и в интересах всего международного пролетариата».

Кто следил хотя бы за той только дискуссией, которая велась на страницах «С. В.», особенно со времени победы фашизма в Германии, по основным вопросам современности, тот без труда заметит, что тезисы З. Д. подводят итоги этой дискуссии и в этом смысле являются подлинным плодом коллективной мысли партии. З. Д. имеет основание быть убежденной, что она выражает в этом случае мысль не только зарубежной части партии, но и той, которая борется и твердо держит знамя международной социалдемократии в самом Советском Союзе.

Новогодние размышления

Ссылаясь на Писарева, Ленин как-то доказывал, что даже самым трезвенным реалистам не возбраняется время от времени предаваться мечтам. Новогодняя передовица «Правды» («Стахановский год», 1-го января 1936 года) представляет такую попытку помечтать и пофантазировать.

«Советская страна быстрыми шагами идет к изобилию... Бодрость, уверенность, оптимизм царят повсюду... Люди словно взлетели на крылья х... Страна идет к тому, чтобы стать не только самой богатой, но и самой культурной во всем мире»...

О каком «изобилии» — для масс! — может идти речь в стране, где реальная заработная плата до сих пор одна из самых низких в Европе; где на голову населения до сих пор производится в 2, 3, 4, а то и в 7-8 раз меньше угля, железа, электрической энергии, цемента, бумаги, хлопчатобумажных тканей, и даже хлеба, сахара, масла, мяса, чем в передовых странах Ев-

ропы, уже не говоря об Америке; где тканей и сахара на третьем году второй пятилетки все еще (на голову населения) приходится меньше, чем в нищей царской России 1913 г.!

О каком «самом большом богатстве», о какой «самой большой культурности» может идти речь в стране, где карманные часы, не говоря уже об отдельной комнате или ванне, являются до сих пор роскошью, недоступной 99% народа и выдаваемой по особому распоряжению правительства в качестве награды особо-заслуженным гражданам?

Но не будем слишком придирчивы к праздничным преувеличениям новогодней передовицы. «Сон в зимнюю ночь» ведь не научный трактат.

Отнесемся поэтому снисходительно к другим столь же горделивым, сколь и фантастическим заявлениям «Правды»: об «ошеломляющих рекордах «стахановцев», «взрывающих старый мир» с разрушительной силой динамита; о «единстве нации», осуществленном в Сов.

Союзе, где народ «несокрушимо сплотился вокруг своей партии и правительства, вокруг своего вождя» и т. п.

Но нельзя не отметить некоторого «идеологического сдвига», проявившегося в новогодних размышлениях.

Тезис изобилия, критерий «реальной осязаемости для миллионов практических результатов победы социализма», — весь тот основной подход, на котором построена нынешняя новогодняя передовица «Правды», только еще два-три года тому назад считался проявлением особо зловредной контрреволюции.

В эпоху звериной нужды и гибели миллионов жизней от голода, вызванного экспериментом насильственной коллективизации («Многое пришлось перенести», коротко фронят передовик «Правды», говоря о прошлом) было слишком опасно и невыгодно для власти проверять советскую эволюцию под углом зрения жизненного уровня масс населения. Сталинцы тогда доказывали, что суть совершенно не в том, удалось ли уже улучшить реальное положение масс, что лишения и страдания, которые приходится народу переносить, не являются аргументом против проводимой политики, и что всякая попытка сосредоточить внимание рабочего класса на реальных достижениях является фактической контр-революцией.

То, что было контр-революционным еще два-три года тому назад, стало высшим критерием революции сейчас, когда власти кажется, что она окончательно победила и что «развитие производительных сил идет вперед на всех парах по ровной, прямой, широкой дороге»...

В одном из последних сообщений наших московских корреспондентов указывалось на то, что советский обыватель, по короткой своей памяти, сравнивает свое положение не с годами до генеральной линии, а с тем, что было года три-четыре тому назад. Нет сомнения, что по сравнению с 1931-32 гг. жизнь масс действительно пошла на улучшение. Но и без особенно глубокого экономического анализа нетрудно видеть, что жизнь широких масс (мы не говорим о привилегированной верхушке) еле-еле начала достигать того уровня, на котором эти массы находились в эпоху нэпа.

Для того исторического спора, который вот уже 18 лет ведется между большевизмом и его социалистическими противниками решающим является, однако, не уровень жизни масс в те или иные отдельные периоды. Можно себе теоретически представить общественный строй, в котором население находится на довольно высоком материальном уровне и в котором нет капиталистов как социального класса, — но в котором до социализма так же будет далеко, как до звезды небесной. Это — строй государственного капитализма, в котором роль коллективного капиталиста играет государственная бюрократия, практически пользующаяся теми же социальными и политическими привилегиями, какими в нормальном капиталистическом строе пользуются имущие классы. Это — строй государства — Левиафана, в котором всемогущее государство организует труд обращенного в политическое рабство населения. И сущность такого строя не меняется от того, что рабам даются в достаточном количестве продукты питания и даже — патефоны с пластинками...

Не этот-ли строй «железной пяты» нарождается сейчас в Сов. России на излете одной из самых грандиозных революций в истории человечества? Не к «государственному рабству»-ли, о котором писал Каутский, ведет большевистская диктатура?

Вот вопросы, которые невольно приходят в голову при чтении новогодних восторгов «Правды».

Ведь необходимейшей предпосылкой нового социального порядка, построенного на коллективных началах, является создание совершенно новых социальных

стимулов, навыков и «условных рефлексов» в человеке. Ведь социализм немислим без «нового человека», своим социальным инстинктом так же отличающегося от человека капиталистической эпохи, как сам капитализм с его звериной «войной всех против всех», с его индивидуалистическим эгоизмом, конкуренцией и классовой борьбой за существование отличается от строя социальной гармонии и солидарности, каким является (должен являться в нашем представлении) социализм.

Да, но разве именно советский строй не является наилучшей школой для воспитания именно этого нового человека? Разве не на эту именно цель направлены сознательные усилия советской власти? И разве уже нет значительных достижений на этом пути?

Вот на страницах советских газет промелькнули перед нами в последние недели сотни новых людей, мужчин и женщин. Мы читали их речи, мы видели их портреты, мы ознакомились с их биографиями и достижениями. Не прав-ли передовик «Правды», когда говорит: «Беспредельная преданность делу своей родины, делу социализма... — вот биение их сердца, воздух, которым они дышат, идея, которой они живут. Таков социализм. Таковы люди периода социализма»?

Нет, по сестеи говоря, вся эта чрезвычайно интересная, крепкая, свежая, подчас очень привлекательная молодежь не оказалась нам типом нового, социалистического человека. Таких свежих, крепких работников, умеющих вытягивать жилы из себя и других, таких энергичных организаторов и удалцов, не знающих усталости и превращающих работу в спорт, мы встречаем повсюду, хотя бы в той же капиталистической Америке с ее культом доллара*). Таких патриотов «революционного отечества», зажженных огнем плебейской ненависти к господам и барам, как тот «инородный» Волошин, который до сих пор не может забыть обиды, нанесенной его отцу за ношение неприличного ему казачьего бешмета, рождает каждая большая революция, даже мелкобуржуазная.

Но лишь крайне редко, в виде исключения, можно было в речах и выступлениях этих тысяч «героев и героинь», о которых говорит передовая «Правды», услышать нотки подлинного социалистического энтузиазма, и — свободного, гордого, самостоятельно человеческого достоинства.

Человек — это звучит гордо... Нет совсем не «гордо» звучат речи выбранных из десятков, а то и сотен тысяч «несравненных мастеров» труда. Косноязычно и шаблонно, за редкими исключениями, выражают они прежде всего свою бесконечную преданность вождю, с неизбежными криками ура. Шаблонно и униженно все свои успехи и достижения приписывают приказу или гению вождя или еще хуже — обещаниям богатых награды и милостей. Шаблонно, но со вкусом простодушно повествуют почти все о своей «хорошей и веселой жизни», о коровах, шелковых платьях, патефонах и свиньях, которыми благодетельствовало их начальство за проявленное усердие.

Не из такого ли теста делаются те сытые государственные рабы, о которых мы говорили выше? Не тот ли это самый человеческий материал, о котором Муссолини говорил: «У меня все просят хлеба, но у меня никто еще не просил свободы». Не те ли это «кадры», которые поставят унтер-офицерский состав для построения бонапартистского госкапитализма?

Но случайно ли, что в распоряжении большевистской диктатуры в апогейный момент ее успехов оказался лишь такой человеческий материал? Нет, это только значит, что в самой системе большевистского «воспита-

*) В той же Америке, кстати, 90% всех технических изобретений делаются простыми рабочими, — хотя их там «станхановцами» не называют.

ния к социализму», лежит основной и неустрашимый дефект.

Нельзя создать «нового человека» путем уничтожения всякой политической и умственной свободы, путем установления небывалой по степени материального и морального гнета системы тоталитарной диктатуры, путем введения настоящего идолопоклонства перед «обожжаемым вождем», установления своего рода культа «живого бога», Кришнамурти-Сталина.

Р. Абрамович.

К пересмотру норм выработки

Стахановское движение вступает в новую форму. После нескольких месяцев шумной агитации, после фейерверков невиданных рекордов и непрерывных чествований стахановцев началось планомерное наступление по всему хозяйственному фронту. Старые нормы выработки спешно сдаются в архив. Постановление ЦК ВКП от 25-го декабря предписывает повсеместно произвести общий пересмотр норм выработки «в сторону некоторого их повышения», как стыдливо говорится в постановлении, в сторону значительно их повышения, как это вытекает из всего действительного содержания его. Кончатся дни шумных торжеств. Наступают суровые трудовые будни.

Еще совсем недавно вся печать с иступлением твердила, что о пересмотре норм выработки в связи со стахановским движением не может быть и речи. Стремясь всячески стимулировать стахановское движение (а, может быть, и опасаясь обвинения в «саботаже» его), руководители предприятий обычно сохраняли старые нормы выработки даже там, где переход на работу по «стахановскому методу» сопровождался освобождением рабочего от целого ряда операций, отнимавших до того значительную часть его рабочего времени. Теперь все эти операции поручались вспомогательным рабочим, оплачивавшимся особо (и обычно очень низко); но зато создавалась возможность говорить о чудовищной «заниженности» норм выработки, о перевыполнении норм стахановцами в 10 и 20 раз, о неслыханных рекордах и т. д. и тем подстегивать всю массу рабочих к максимальному напряжению их трудовой энергии. Пусть для сохранения этой фикции десятикратного перевыполнения норм приходилось нередко переплачивать тысячи стахановцам, а во многих предприятиях пойти на временное увеличение доли заработной платы в себестоимости продукции. Все это должно было окупиться общим резким повышением в ближайшем будущем производительности труда.

Сейчас этот «подготовительный период» кончается. Наступает и здесь «период освоения». Сейчас уже можно быть откровеннее, и Орджоникидзе на пленуме ЦК правильно, конечно, отмечает, что нельзя оставаться, напр., при прежней норме выработки для забойщика, который раньше сам должен был и рубить уголь и крепить, а теперь работает нередко с 2, 3, 4 и более крепильщиками. Наркомтяжпрому вторит Наркомлегпром Любимов, раскрывающий секрет мировых рекордов в текстильной промышленности, где отдельные ткачихи перешли на обслуживание 200 и более автоматических станков Нортропа. В действительности оказывается, что знаменитая рекордсменка Тася Одинцова, обслуживающая 216 Нортроповских станков, работает с 11 помощниками (4 подмастерами, 4 зарядальщиками и 3 обрывщицами), «т. е. на каждого работающего 17-18 станков»; это, конечно, тоже очень неплохо и значительно больше вчерашнего среднего

уровня, но о мировом рекорде тут говорить не приходится.

Было бы, конечно, пустой демагогией протестовать против пересмотра норм выработки вообще. Там, где «введение новых технологических процессов, изменение режима работы, ввод нового оборудования и приспособлений» (цитирую остававшийся долго секретным приказ Орджоникидзе от 13-го марта 1935 г., о котором я писал в статье «Вокруг стахановского движения» в № 21 «С. В.» за прошлый год) приводит к увеличению производительности труда, повышение норм выработки экономически необходимо и социально-политически оправдано. Опасность создавшегося у нас положения заключается однако в том, что повышение норм выработки имеет сейчас тенденцию далеко выйти за эти естественные пределы, что под предлогом согласования норм выработки с новыми фактами, определяющими уровень производительности труда, производится энергичный нажим на рабочих в целях максимального усиления интенсивности их труда. Достаточно указать хотя бы на текстильную промышленность, где согласно постановлению ЦК от 25-го декабря о основным методом повышения производительности труда должно быть «увеличение скоростей машин, станков и агрегатов», т. е., можно сказать, классический метод усиления интенсивности труда.

Опасность максималистского «уклона» при пересмотре норм выработки тем более реальна, что постановление ЦК прямо предписывает «исходить при установлении норм выработки из ... учета передового производственного опыта стахановцев» и всю власть в деле нормирования труда передает хозяйственникам. О каком-либо участии профсоюзов в этой работе не упоминается ни одним словом. Даже на отраслевые конференции по подготовке пересмотра норм, созываемые Наркоматами промышленности, приглашаются лишь «директора заводов, предприятий, начальники цехов, инженеры, мастера и стахановцы». Рабочий элемент здесь представлен только стахановцами. Но участие их в этих конференциях отнюдь не имеет целью умерить максимализм хозяйственников при установлении новых норм; как раз наоборот: стахановцы для того и превлекаются к работе по пересмотру норм выработки, чтобы подтянуть тех из хозяйственников, кто еще не успел достаточно «перекопаться» на максималистский лад.

Неясным остается до сих пор, как отразится пересмотр норм выработки на уровне заработной платы. В рабочей среде часто высказывались опасения, что пересмотр норм выработки в связи со стахановским движением будет произведен при неизменных тарифных ставках, т. е. что повышение норм выработки будет сопровождаться соответственным понижением сдельных расценок. ЦК в своем постановлении от 25-го декабря на это не решился: постановление предписывает «изменить нормы выработки в сторону некоторого их повышения с тем, однако, чтобы в условиях прогрессивной сдельщины нынешние расценки были сохранены». Но для того, чтобы при повышении норм выработки сдельные расценки оставались неизменными, необходимо, чтобы тарифные ставки были повышены в той же пропорции, что и нормы выработки. Имеется ли это в виду? И что значит в приведенном только что тексте указание, что «нынешние расценки должны быть сохранены» лишь «в условиях прогрессивной сдельщины»? Или вне «условий прогрессивной сдельщины» — а вне этих условий работает еще, вероятно, значительное большинство рабочих — расценки могут и не быть сохранены?

Повидимому, в руководящих коммунистических кругах вообще не склонны придавать оговорке о сохране-

нии старых расценок реальное значение. Ведь если бы это решение было принято всерьез, о нем печать — и не без основания — трубила бы во всю, как о наглядном доказательстве готовности компартии широко огранить при пересмотре норм выработки интересы рабочих масс. Но в действительности вся коммунистическая печать обходит этот острый вопрос почти полным молчанием, а ВЦСПС в своем пространном постановлении «о развертывании работы профсоюзов» в связи с постановлением ЦК от 25-го декабря даже просто не упоминает ни одним словом об обещании ЦК «сохранить нынешние расценки».

Обещание это явно немногого стоит. И не только потому, что при значительном повышении производительности труда благодаря мероприятиям организационно-технического характера, оправдывающим повышение норм выработки (см. выше), известное понижение расценок является неизбежным и в принципе не вызывает возражений и со стороны рабочих: отвергая строгое соответствие между повышением производительности труда и понижением расценок, добиваясь того, чтобы повышение производительности труда прежде всего являлось исходной точкой для повышения уровня заработной платы, рабочие почти инстинктивно требуют всюду, чтобы понижение расценок было менее значительным, чем повышение производительности труда, но отлично понимают невозможность (а нередко и реакционность) требования использования результатов рационализации и следовательно для повышения уровня заработной платы. Некоторое понижение расценок явится поэтому во многих случаях совершенно неизбежным. Но и в этом вопросе, как и в вопросе о повышении норм выработки, уже сейчас можно с полной уверенностью сказать, что понижение расценок далеко выйдет за эти законные — с точки зрения интересов рабочих — пределы и что под прикрытием экономически и социально-политически оправданного понижения расценок в случаях коренной

технически - организационной перестройки работы произойдет общее понижение расценок, как орудие давления на рабочие массы в интересах максимального усиления интенсивности их труда.

Опасность эта тем более значительна, что сейчас тарифные ставки и сдельные расценки вообще утрачивают значение нормативов, связывающих хозяйственников. Еще в прошлом году коллективные договоры как-то тихо и незаметно умерли, а сейчас и тарифные ставки — последний пережиток коллективной нормировки условий труда — явно начинают выдыхаться. Зарплата должна быть «строго индивидуальной», возвестил Орджоникидзе на пленуме ЦК, устанавливаемое директорами предприятий, начальниками цехов и — больше всего! — мастерами. Что уж говорить в этих условиях о сохранении расценок, о каких-то гарантиях для рабочих и т. д.? Все это одна лишь словесность. Единственной гарантией для рабочих масс должна служить добрая коммунистическая воля хозяйственников. А на этом далеко не уедешь. И отнюдь не потому, что среди директоров предприятий, инженеров и мастеров мало людей, субъективно готовых служить интересам рабочего класса. Дело не в субъективных намерениях, а в объективном положении лиц, ответственных за хозяйственные результаты деятельности предприятий. А объективное положение их (кстати, постепенно меняющееся и их психику и их субъективные намерения) толкает наших хозяйственников совсем на иной путь. И официальный лозунг «выжать максимум из техники» неизбежно превращается на практике в директиву — выжать максимум и из рабочих масс.

Это горькая, но, увы, реальная перспектива. Предотвратить ее могла бы лишь широкая организованная активность рабочих масс, которая создала бы естественный противовес хозяйственному усердию руководителей предприятий: В этом вопрос всех вопросов.

С. Шварц.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

ЛЮДИ «БОЛЬШОЙ СУДЬБЫ»

В литературе, как и в жизни, труднее всего определить момент смены общественных настроений, потому что такие смены редко врываются бурным потоком и каждой смене предшествует одновременное возникновение разрозненных, робких, иной раз и прерывающихся ручейков, которые лишь на каком-то этапе сливаются в уверенный и жизнеспособный поток.

В начале нэпа, после лет гражданской войны и шумного господства «планетарной» поэзии социальной революции, первые рассказы «Серапионовцев», любовно отделявавших маленькие детали великих событий, выросли позже в большие полотна реалистического романа о перепитиях грандиозной народной революции. По мере роста внутренних противоречий между утопической диктатурой и революционными классами к концу нэпа, в период благополучной «реконструкции» выплыла, несмотря на явное неодобрение официальной критики, в качестве основной темы — старая тема русской литературы о лишнем человеке. Первая пятилетка стерла ее рывком с повестки дня, дав путевку в жизнь гимну технике, строительству и молодежи. И в то же время трудно найти другой такой период, в котором так много, так выпренно и так потрясающе мало было сказано о подлинной жизни молодежи вне строительства, о ее мечтах и трудностях,

как именно в период первой пятилетки. Недаром В. Горбатов, автор лирической хроники о жизни комсомола на стыке двух эпох революции («Мое поколение»), воскликнул в послесловии: «Ребята, вы уж простите меня! О вас должны были писать писатели опытные, убежденные седины. Вы стоите этого. Мы стоим того, чтобы о нас хорошо написали, но что-же делать, ребята, о нас не пишут!»

Не совладав с темой о молодости пятилетки и ее выразителях, писатели перекинулись на тему о «знатных людях». Тема эта перенята была сначала и литературой второй пятилетки. И только произведения последнего года дают основание предполагать, что писатели, как Эренбург, продолжающие ее разрабатывать (см. его последний роман «Не переводя дыхания»), работают уже на холостом ходу. Это вовсе не означает, что процесс кристаллизации привелигированного слоя в советском обществе закончился, это не значит, конечно, что об этих людях уже все сказано. Случилось просто то, что уже не раз случалось в годы революции: жизнь с ее противоречиями начинает крошить казенный «регуляр», у писателей начинает возникать ощущение, что со своими жизнеописаниями они попали в некий знатный тупик.

Еще симптоматичнее то обстоятельство, что оптимистическое жизнеощущение поднявшегося из низов народной жизни многочисленного слоя людей, которые до сих пор стояли в центре писательского внимания,

начинает восприниматься некоторыми вполне советскими критиками, как «нестерпимая лакировка действительности». Н. Оксенов поделился на страницах «Литературного Современника» беседами, которую он имел с одним из лучших советских писателей. И критик, и писатель сошлись на том, что только то произведение останется жить «надолго», которое «обладает глубокою задуманностью, драматически действенным сюжетом». Кивая в сторону сонма советских лакировщиков, Оксенов многозначительно добавляет: «Многое можно извлечь из произведений, подозрительная гладкость которых так напоминает неожиданный проблеск на лице небезвестного майора Ковалева, воспетого бессмертным Н. В. Гоголем».

Чем-чем, а «драматически действенным» матерьялом наша современность действительно изобилует! Беда только в том, что этот «драматически действенный» матерьял находится в кричащем противоречии с благочестивыми лозунгами диктатуры об успешном построении «бесклассового общества». Но художественная литература по-своему пытается выйти из создавшегося конфликта. Среди многочисленных исканий последнего времени, все чаще наталкиваешься в новейших произведениях на тему, представляющую несомненный общественный интерес — тему о столкновении двух поколений, из которых одно уходит, совершив революцию, а другое является наследником уходящих. Ошибочно было бы эту тему трактовать, как проблему «отцов и детей». Дело здесь не в возрастном различии, а в эмоционально-политическом багаже этих двух поколений. Уходящий в отставку за душевной изношенностью летчик Марков в романе Лавреньева «Большая земля» говорит начальнику спасательной экспедиции, посланной в помощь челюскинцам, 24-летнему Мочалову: «...Вас посеяли прямо в плодородную почву, добытую старшими и выросли в рост с завидной быстротой. А мое поколение попало в эту почву, когда она была истощена и на ней произрастали только война и голодовка... Мы потеряли много ростков, чтобы обеспечить вам счастливый и уверенный рост под солнцем... И мое поколение радуется вашему росту, но иногда у нас начинают болеть отрезанные ветви и тогда нам становится горько, что мы поторопились родиться»...

В таком же духе «зависти» уходящих к остающимся эта проблема трактовалась многими писателями, шедшими еще в фарватере канонизированного идеологами первой пятилетки преклонения перед строительным энтузиазмом молодежи (С. Колдунов «Обыкновенные приказания», Форш «Ворон»). В последнее время в трактовке этой проблемы наступил симптоматический перелом.

Особенностью этого перелома, несомненно отражающего изменение настроений в руководящих кругах советского общества, является очень сдержанное, чтобы не сказать резко, — отношение к наследникам революции, при увеличивающейся симпатии к старому поколению людей, участников революционной борьбы с самодержавием. В 1928 году В. Каверин («Скандалист или Вечера на Васильевском острове») впервые помянул добрым словом «трогательное мужество комнатных сражений против самих себя» этих безмянных «стариков», «рожденных одной эпохой, вскормленных другой и напрасно старающихся жить в третьей». В первые годы пятилетки эта человечески-мягкая струйка истекла, чтобы опять возникнуть на излете генеральной линии уже заметным и невооруженному глазу течением (см. «Сын» В. Гроссмана, «Отец» Тарасова, «Платон Кречет» Корнейчука).

Особой лиричностью овеяны фигуры старых

большевиков («Молодость» Сейфулиной, «Исполнение желаний» В. Каверина, «Сын» В. Лидина). В недавно опубликованной драме Афиногенова «Далекое» драматическая коллизия, заключающаяся в противоречии между моральным и идейным обликом старого поколения и нового подрастающего. Правда, эта коллизия осталась в зачаточном виде, почему никакой драмы, которая возведена в подзаголовке, у автора не получилось. Но элементы драматического конфликта все-же намечены. Действие разыгрывается на разезде «Далекое», затерянном где-то в сибирской тайге. У этого разезда, где не всегда останавливаются даже пассажирские поезда, происходит крушение экспресса, направляющегося из Хабаровска во Владивосток. В отцепленном салон-вагоне едет командир Особой Дальневосточной армии, Малько с женой и секретарем. Малько смертельно болен, у него саркома легких и жить ему осталось всего три месяца. Об этом приговоре врачей знает только его жена. В дружеской беседе с персоналом разезда она делится своим горем. Некоторые фигуры пьесы — начальник разезда Коряшко, в часы досуга штопающий себе носки, телеграфист Томили, жена служащего Глаша выписаны в мягких Чеховских тонах. Но есть среди них и своя местная «язва», стрелочник Влас, из бывших сектантов, доигрывающий не актуальную уже роль неперемного «контр-революционера». Влас держит себя независимо, критически относится к власти и ко всей возбужденной шумихе, созданной вокруг свалившегося «начальства». Он пускается в дискуссию с Малько о равенстве всех перед смертью, после которой ничего, кроме дыма, все равно не останется. Малько, конечно, оспаривает эту наивную философию. Нет, он, Малько, не умрет, после него останется созданное им, останутся «страна моя, моя партия... дети наши. Их жизнь — это моя жизнь, это я сам — в их лицах. Только не в трех, а в миллионах лиц». Эта риторика приобретает внезапно острый запах жизни и оттенок драматизма, когда Малько бросает в нее свой главный аргумент: оказывается, он только прикидывался, что не знает о том, что часы его сочтены. Из трогательной идиллии не получилось драмы, потому что приезд Малько — по воле автора молниеносно действует оздоровляюще на «наследников»: себялюбивый служащий Лаврентий Тонких, уже решивший бросить свою жену и ребенка, чтобы уехать в Москву и «прославиться» — внезапно остается, жена Коряшко — Люба, открывшая золото в тайге и промывавшая его потихоньку «в мешочек» для себя — отдает накопленное Малько, комсомолка Женя — пустыньская девочка-подросток — взрослеет. Но в жизни, ведь, такие метаморфозы не происходят в таком стремительном галопе.

Гораздо сложнее, тоньше и талантливее проблема прощания с жизнью старой гвардии большевизма поставлена в еще неоконченном романе Л. Леонова «Дорога на Океан». Тихонов когда-то сказал о Пушкине, что его «можно разгружать как пароход, как океанский пароход и вы удивитесь, какие там товары всего мира!» Эту характеристику можно применить и к Леонову, заменив только международный образ океанского парохода — советским. Каждое произведение Леонова поражает богатством собранных и душевно переработанных наблюдений художника над своей современностью. Советская критика встретила первые главы романа Леонова восторженно, как свидетельство того, что Леонов уже «совсем включился в строительство бесклассового общества». Но роман Леонова так богат наблюдениями, опрокидывающими эту казенную идиллию о бесклассовом обществе, идиллию, в которую Леонову, кстати сказать, самому страстно хочется уверовать! — что этот отзыв мы приводим только для того,

чтобы на конкретном примере показать, как отстают советская критика от художников своего времени.

В центре романа старый большевик Курилов, начальник политотдела дороги. У Курилова рак почки. Он обречен. Леонов любит Курилова по-настоящему и, может быть, бескорыстие этого большого чувства автора и подкупило официальную критику. Когда-то на заре своей творческой юности весь жар своих первых чувств отдал Леонов единственно «честному человеку» — Митьке Векшину». А сейчас — это несомненно — Леонов так же горячо любит Курилова, знаменитого большевика, человека «большой судьбы», как он любит его строгую старуху — сестру Клавдию, такую «знаменитую» большевичку, что ее побаивается сам Курилов. Эта Клавдия Курилова, в изображении Леонова очень напоминает настоятельных староверческих скитов. За одно с Куриловым Леонов любит и все старое поколение большевиков. Но при всем видимом противоречии этой новой любви автора, в его чувствах нет внутреннего противоречия. И Курилов, и его сестры, и многие старые большевики, в изображении писателя, — дети старой крестьянско-купеческой России, выходцем которой является и сам Леонов. При виде роста страны, Леонов вместе с своей героиней, дочерью окраины столицы, открывает секрет бодрости старой большевистской гвардии, заключающийся в том, что «человек живет радостью преодоленных несчастий».

Руководящие круги советского общества переживают очень симптоматический момент. Старая гвардия большевизма, та, которая уцелела от внутри-партийного террора, редет. При всех своих недостатках эти люди выросли и закалились в обстановке большого революционного движения. Наследники выросли в обстановке «распада общественных форм». Лучшим элементом советского общества становится не-по-себе при мысли, что настанет день, когда они окажутся с глазу на глаз с этими «наследниками». Вот где лежит источник искренней идеализации сейчас старых большевиков, вот отчего проблема «отцов и детей» на излете генеральной линии получает такое новое звучание, в котором нотки трогательной благодарности к «старикам» своеобразно перемешиваются с тревогой — а как будем жить без них?

В. Александрова.

ПО РОССИИ

В СОВЕТСКОЙ ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ.

Во французском органе троцкистов «Веритэ» (27 дек.) помещено обширное письмо Антона Чилиги, бывшего члена Политбюро Компартии Югославии, ныне, как указывает газета, «не принадлежащего ни к какой политической организации».

Группа югославских коммунистов, к которой, кроме Чилиги, принадлежали Станка Драгич (русский псевдоним — Ковалев) и Мустафа Делич (русский псевдоним — Виктор Соловьев), побывала в СССР по поручению югославских коммунистов. В мае 1930 года группа эта была арестована ГПУ за связь с троцкистской оппозицией. С тех пор Чилига в течение 5-ти с половиной лет мытарствовал по тюрьмам и ссылкам Советского Союза, пока ему не удалось добиться «высылки» из СССР. Остальные два члена югославской группы и по-сейчас еще томятся в застенках ГПУ. Прибавим тут-же, что, по словам Чилиги, в тюрьмах и ссылке пребывают «сотни иностранных товарищей», которым отказывают в праве вернуться на их родину. Один конкретный пример их «преступлений» Чилига приводит: три члена Политбюро венгерской компартии были вызваны в Москву для выяснения их разногласий с Бэла Кунном; «выяснение» закончилось тем, что они были тут-же арестованы и отправлены в Верхне-Уральский Политизолятор, где и по-сейчас пребывают. Вообще, замечает Чилига, «иностраный рабочий или пролетарский политический деятель, приезжающий в Россию, оказывается лишенным права

уехать оттуда и превращается в своего рода вечного пленника, если высказывает неудовлетворенность положением пролетариата или общим положением в России».

Рассказы Чилиги о положении политических заключенных ссыльных, основная масса которых состоит ныне из коммунистических оппозиционеров разных толков, социалдемократов, социалистов-революционеров, анархистов, сионистов и т. п. целиком подтверждают те сведения, которые были опубликованы за последнее время на страницах нашего органа, хот и относятся главным образом к близким автору коммунистическим оппозиционерам. Автор рассказывает об ужасном материальном и моральном положении политических заключенных в изоляторах и концлагерях, где их держат на убогом положении и принуждают к каторжным работам, и о бесконечных голодовках, которыми им приходится добиваться самых элементарных прав ценою здоровья, а то и жизни. Не дымом становятся у него волосы на голове, когда он вспоминает о праве, которое предоставлено ГПУ «советскими законами» и которым ГПУ широко пользуется, — «автоматически и без суда набавлять сроки заключения и ссылки». «В истории 15 лет политической ссылки в России основана в этих законах», прибавляет автор, а редакция троцкистской газеты — этого нельзя не отметить! — не считает нужным и напомнить, ни как-либо объяснить своим читателям тот факт, что из этих «15 лет» не малая доля приходится на то время, когда Троцкий стоял на вершинах власти и нес ответственность за эти «советские законы», от которых теперь «волос становятся дыбом» у его единомышленников, перемалываемых заживо этими законами...

Недостаток места заставляет нас ограничиться воспроизведением лишь некоторых отрывков из интересного сообщения Чилиги.

«Новый и самый ужасный бич для подвергающихся политическим преследованиям в России, это **концентрационный лагерь**... Новые фараоны «перевоспитывают» там сотни тысяч рабочих и крестьян и десятки тысяч уголовных, получая взамен их даровой труд. Находящиеся в лагерях крестьянки и уголовные женщины употребляются для «обслуживания» мужчин и осуждены на почти принудительную проституцию.

«Политических заключенных, сколько мне известно, посылают в четыре лагеря: Ухт-Печерский (Зырянский край), Мариинский (Центральная Сибирь), Карагандинский (Казахстанские угольные копи) и Соловецкие острова. В декабре 1930 года вспыхнула новая гололовка в Верхне-Уральске. Заключенные требовали отмены «налбабок» к сроку заключения и немедленного освобождения людей, незаконно удерживаемых в тюрьме на основании таких налбабок (т. е. двух третей всех заключенных). Гололовка была прекращена на 13-ый день развозом товарищей по различным изоляторам и концлагерям и насильственным кормлением. Около 30 товарищей были тогда разосланы по концлагерям; большинство с гололовочной комиссией во главе (Федор Лингельштедт, Иосиф Краскин, Саша Слитинский) на Соловки. Часть из них, в том числе Лало Енукидзе, племянник знаменитого экс-секретаря ЦИК, М. Белов, Г. Бойко и др., попала в Ухт-Печерск. Летом 1935 года почти вся троцкистская колония в Спелней Азии (Самарканд, Чимкент, Алма-Ата, Акмолинск, Актюбинск, Павлодар и пр.) была отправлена, большей частью на 5 лет, в концентрационные лагеря. Кроме троцкистов в лагерях находится много анархистов и известное число сионистов, с.-д. и социалдемократов. Политики содержатся на уголовном положении, их заставляют жить и работать с уголовными, которых на «политиков» натравливают. Десятки товарищей выдержали лителные гололовки, добиваясь замены концлагеря изолятором (В. Смирнов младший и С. Слипичкий, оба из группы «демократического централизма» — сапроновцы — голодали за это скромное требование 35 дней). Другие десятки голодали, требуя введения в концлагерях политического режима. В борьбе за это требование приходится отметить случаи смертельного исхода в Мариинском лагере (средний анархистов)... Но огромное большинство заключенных, особенно в Мариинском и Карагандинском лагерях, продолжают находиться на уголовном положении (автор называет между прочим, известного анархиста Сандомирского).

«В Верхне-Уральском изоляторе находится в настоящее время главная часть зинovieвцев (Зинovieв, Каменев, Куклин, Залуцкий, а также Смилга), знаменитые вожаки Рабочей Оппозиции Шляпников (больной и оглохший) и Медведев, вождь группы «демократического централизма», старый рабочий Тимофей Сапронов (тяжко больной), руководивший октябрьским восстанием 1917 г. в Москве и бывший при Ленине секретарем ЦИК...

«Зинovieвцы ведут себя в общем капитулянтски, но в разной степени и в разных формах. Сам Зинovieв работает главным образом над вопросами фашизма (он привез с собой кучу книг) и истории сословий в России. Каменев заявляет себя

а 98,5% согласным с генеральной линией... В результате этого процесса он получил приговор на 10 лет. Процесс тот был устроен в связи с делом о покушении на «самого» Т. е. Сталина). Главным героем обвинения был брат Каменева, художник Розенфельд. Всего было 36 обвиняемых — публика весьма пестрая и подозрительная. Результатом были две казни (один член ГПУ, не помню хорошо имени: не то Червяков, не то Черноцкий, другой — из кремлевской охраны). Остальные были осуждены на 5-10 лет... Каменев категорически отрицал какую бы то ни было осведомленность свою в этом деле и утверждал, что видит главных обвиняемых в первый раз в своей жизни на процессе. Его брат заявил на процессе, что своевременный арест его предотвратил «катастрофу». Этот пресловутый брат был послан куда-то в другое место, в Верхне-Уральске его нет. За категорическое отрицание свое Каменев не только получил надбавку около 10 лет, но и был посажен в общую камеру (№ 57, 3-й этаж северного крыла изолятора, совместно с 12 другими заключенными). Назову также с.р-ку Волкштейн, бывшую научную сотрудницу Военной Академии. До Верхне-Уральска она провела 5 лет в секретном отделении Ярославского изолятора. Частично потеряла способность речи. В Верхне-Уральском изоляторе находятся еще 20 правых оппозиционеров (Слепков, Астров и др. Раньше был и Рютин, не знаю, там-ли он еще теперь). Наконец, несколько анархистов (Бармаш), с.р., сионистов, социалдемократов и 40-50 троцкистов. Всего около 200 заключенных.

В Челябинском, Ярославском и Суздальском изоляторах находятся другие группы политических заключенных всех направлений. В Суздале находится второй вождь «децистов», В. М. Смирнов. Он отбыл 5 лет Суздаля к 1935 г., провел полмесяца на свободе в Улала (Ойротия), а теперь снова заключен в Суздаля на 5 лет. Там-же находится Войа Вуйонич, бывший секретарь Ком. Интернационала Молодежи. Его жена Будзинская находится в Верхне-Уральске (вместе с сестрой Уншлихта)...

В ссылке, с сокращением строительства во вторую пятилетку, безработица становится повседневным явлением. В Енисейске, где я жил последний год, половина ссыльных буквально умирает с голоду. Дети вновь прибывшего из концлагеря М. Белова заболели от недостатка питания и умирают с голоду на глазах у всех. Такие-же вести идут из Минусинска, Центральной Азии, Нарымского округа, Архангельска. В Минусинске находится в настоящее время Косиор, Муся Магид, Дорошенко, с.-д. Якубов и др. В Енисейске: П. Гапермейстер, Балмашев, Граль, Дубенбаум, Коломенко; приезжий из Вены Лангер (ему систематически отказывают в работе); с.-д-ы Ф. И. Цердерблаум, Марк Левин, Ева Лосман, с.-р-ы брат и сестра Луины, сионисты Бернштейн, Коган; сестра Медведева и множество ленинградцев.

Весною 1935 года Сибирь была наводнена ленинградцами. Их привозили целыми поездами, целыми семьями, с детьми, женами, родителями и т. д. Многих из них послали на крайний север: в Обдорск, Лудино, Ворильск, Туруханск, Верхоянск. Из Ленинграда выслано несколько десятков тысяч товарищей. Гуппа женщин, в том числе сестра Зиновьева, жена расстреленного Шацкого, сестра Куклина и др., поселены в Ворогоде (между Енисейском и Туруханском). Положение большей части ленинградцев трагическое... В Енисейске была арестована группа оппозиционеров (децисты Давидов Бойко, Б. Л. Максимов) и две группы зиновьевцев. Оппозиционеров обвиняют в том, что они пытались «обращаться к зиновьевцам»...

ИЗ ПАРТИИ

К ТЕЗИСАМ З. Д. О ВОЙНЕ И СОЦИАЛИЗМЕ.

Заявления по мотивам голосования.

1.

Практическая линия поведения, рекомендуемая принятыми большинством З. Д. тезисами, в значительной степени совпадает с той системой взглядов, которую защищаю и я в вопросе о войне, и с которой партия могла познакомиться по моей статье в № 23/24 «С. В.». Тем не менее я вынужден был голосовать против тезисов «пятерки», в виду тех серьезных расхождений, которые имеются между моими воззрениями и теми теоретическими положениями (характеристика эпохи, прогноз об универсальном развитии фашизма, определение характера грядущей войны и т. п.), которые автор тезисов сочли нужным предпослать тактическим выводам.

Опираясь на большую близость в выводах, я пытался добиться компромисса на почве либо устранения указанных те-

ретических положений из резолюции, либо их значительного изменения и дополнения. Я мог при этом сослаться на прецедент с тезисами Бауэра-Дана-Дюнуа-Жиромского, с которыми тезисы З. Д. солидаризуются, и которые однако именно были построены без указанных теоретических положений. Мои попытки, однако, разбились о нежелание большинства пойти в этом вопросе на компромисс по существу. Мне, поэтому, не оставалось ничего иного, как голосование против.

В этом моем решении меня укрепляло и еще одно обстоятельство: пять членов З. Д., принявшие своими голосами «тезисы», сочли нужным в особом постановлении солидаризоваться с тезисами Бауэра-Дана и др. Но эти последние тезисы, при всех своих достоинствах (стройность конструкции, отсутствие абстрактно-теоретических анализов), имеют один весьма крупный недостаток с точки зрения русских соц.-дем.: они целиком построены на известных воззрениях О. Бауэра в русском вопросе, — воззрениях, с которыми и на страницах «С. В. и в иностранной печати в свое время приходилось немало полемизировать нам всем.

Правда, тезисы З. Д. делают оговорку о «недостаточно отчетливой» будто бы формулировке русской части тезисов Бауэра-Дана. Однако, с моей точки зрения, эта часть названных тезисов, если и «недостаточно отчетлива», то только в том смысле, что концепция Бауэра (большевистская диктатура строит и может — при благоприятных условиях — построить социализм в России) — в ней слегка завуалирована. Другими словами, эта «недостаточная отчетливость» скорее достоинство, а не недостаток. Но так или иначе, это точка зрения, с которой наша партия во всех своих основных течениях всегда вела решительную борьбу.

Р. Абрамович.

2.

Тезисы о войне, принятые большинством З. Д., с нашей точки зрения, в ряде отношений представляют несомненный шаг вперед по сравнению с той позицией, которую представители этого большинства еще недавно защищали на страницах «С. В.». Достаточно указать, что эти тезисы активную поддержку социалистами войны против Германии и ее союзников уже не ставят в прямую зависимость от предварительного перехода власти в руки социалистов в странах анти-германской коалиции. Тем не менее и в настоящем их видение тезисы большинства З. Д. не являются для нас приемлемыми.

Прежде всего их общая аналитическая часть целиком опирается на более чем спорную концепцию. Не давая ни социального анализа тех движений, которые известны под названием фашистских, ни даже общего определения понятия «фашизм», тезисы объявляют этот последний той универсальной формой самозащиты, к которой прибегают господствующие классы на последней стадии развития капитализма. Эта универсальная теория фашизма авторам тезисов необходима для того, чтобы надвигающуюся войну, — или эпоху войн, — представить, как войну в основе между немецким национал-социализмом, защищающим общие интересы капитализма, с одной стороны, — и социализмом, основной опорной «крепостью» которого является СССР, с другой. Эта точка зрения нам кажется и неправильной теоретически, и вредной по ее политическому значению. Подобную концепцию нередко развивают национал-социалистические деятели в их агитационных выступлениях, — и с их точки зрения это поведение вполне понятно: готова война во имя передела мира и стремясь к территориальным приобретениям прежде всего за счет СССР, они не могут не стремиться изобразить себя в роли рыцарей, выступающих на борьбу с мировым коммунизмом и марксизмом, так как подобная маскировка помогает им вербовать сторонников в реакционных кругах стран Западной Европы и дает основание надеяться на нейтралитет хотя бы некоторых из этих стран на начальных этапах грядущей войны. Но эта концепция ни в коем случае не соответствует объективной обстановке, — и совершенно не отвечает правильно понятым интересам пролетариата и демократии.

Война, на пороге которой стоит в настоящее время мир, будет войной между двумя коалициями: на одной стороне Германия и Япония с их возможными мелкими союзниками; на другой — Франция, Англия, СССР, к которым рано или поздно неизбежно должны будут присоединиться и Соединенные Штаты Америки. Конечной целью этой войны для ее инициаторов, — германо-японской коалиции, — является установление военно-хозяйственной гегемонии во всем мире. Методы, которыми правит Гитлер в Германии; режим, который устанавливают японцы в оккупированных ими областях Китая, — могут дать только бледное представление о том, что несет миру победа этой коалиции. Она не только надолго закрепит фашистский режим в Германии и диктату-

ру военной партии в Японии. Она, несомненно, будет иметь своим последствием усиление реакции во всех странах Западной Европы и торжество самой жестокой реставрации в раздробленной на части России. В этих условиях в самом активном противодействии германской коалиции заинтересован не только пролетариат, но и все демократические элементы стран анти-германской коалиции. И пролетариат может и должен брать на себя повсюду инициативу создания самого широкого демократического фронта, который во всех странах Западной Европы явится объективно защитником не только демократии, но и независимости этих стран и интересов их хозяйственного развития.

Этот характер грядущей войны и ее перспективы должны определить задачи и поведение социалистических партий во всем мире: задача преодоления германо-японской коалиции должна стать для них основной политической задачей, которую они должны в сознании идущих за ними масс неразрывно связать с борьбой за демократические и социалистические идеалы.

В части, касающейся Германии, у нас нет существенных расхождений с авторами тезисов. Рабочий класс Германии должен будет во время войны сделать все, что в его силах, чтобы содействовать разгрому армий германского фашизма. Будет для них основной политический вопрос жизни и смерти не только для социалистов и демократов стран анти-германской коалиции, — но и прежде и больше всего для самого немецкого пролетариата. Равным образом нет у нас существенных разногласий с авторами тезисов и по вопросу о линии поведения во время войны русских социалистов. При всем нашем отрицательном отношении к внутренней политике большевистского правительства, мы считаем, что важнейшей задачей русских социалистов во время войны должно быть всемерное содействие поражению армий фашизма. Но этот же критерий должен быть положен во главу угла и тактики западно-европейских социалистических партий. Сейчас рано говорить о том, какую конкретную форму должна принять линия поведения этих партий, — вполне вероятно, что она будет различна для различных стран: все зависит от той конкретной обстановки, которую застанет начавшаяся война в этих отдельных странах. Нельзя для всех возможных случаев обязательным сделать лозунг «бургфриден», — но нельзя и делать обратного, нельзя объявлять бургфриден ни для какого случая недопустимым. Если к власти в той или иной стране придет правительство демократической коалиции, вроде правительства народного фронта во Франции, то «бургфриден» может и должен стать обязатель-

ным для социалистов. Но бургфриден вообще ни в коем случае не предопределяет отказа от борьбы за усиление своего влияния, — даже от борьбы за власть.

Бургфриден только обязывает эту борьбу за власть поднять основному требованию: интересам борьбы против фашизма Европы. Борьба за власть внутри отдельных стран-членов анти-германской коалиции должна быть подчинена интересам борьбы против германской коалиции. И если пролетариат с самого начала войны будет последовательно выступать с этим лозунгом, то есть все основания надеяться, что в ходе войны он и союзные с ним демократические группировки окажутся у власти.

Отсутствие необходимой ясности и последовательности в этом основном вопросе больше всего определило для нас невозможность не только голосовать за тезисы большинства и воздержаться при этом голосовании.

Особо мы считаем необходимым отмежеваться от ряда ошибочных и вредных представлений о Сов. России, которые заключаются в тезисах Бауэра-Дана-Дюнуа-Жиромского. Тезисы З. Д. выражают, правда, в этом случае свою солидарность только с основными линиями тезисов Бауэра-Дана и др., — и даже отмечают «недостаточно отчетливую характеристику» этих последних в пункте о России. Но в этой оговорке тезисы З. Д. о войне делают нашу партию ответственной за основные линии бауэровской позиции, русскому вопросу, — позиции, с которой наша партия, по нашему глубокому убеждению, ни в коем случае не должна лидаризироваться.

Г. Аронсон, М. Кефали, Б. Николаевский.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Rs-Briefe. Arbeitskreis Revolutionärer Sozialisten. Dezember, 1935.

Que faire? Revue communiste. N° 12, Décembre 1935.

La Révolution prolétarienne, N° 213.

Zeitschrift für Sozialismus. N° 26/27. Nov.-Dez. 1935.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/2, 6/1.

Отослано: № 47, № 1.

От редакции. — За недостатком места отлагается до следующего номера статья А. Югова «Стахановщина», посвященная итогам пленума ЦК ВКП.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

писки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. I (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) *Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial* и б) *S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical*, 6) *Paul Faure — «Si tu veux la paix»*, 7) *Léon Blum — Souvenir sur l'Affaire* (дело Дрейфуса), 8) *B. Souvarine — Staline*, 9) *Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik*.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «*Kampf*» — на 1/2 г., 2) «*Zeitschrift für Sozialismus*» — на 1/2 г., 3) «*Le Combat Marxiste*» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно